ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

СБОРНИК СТАТЕЙ

Е. М. ПЕЩЕРЕВА

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТАДЖИКСКОМ ЖИЛИЩЕ ПРИВАХШСКИХ РАЙОНОВ

Южный Таджикистан изучен в этнографическом отношении еще недостаточно. Особенно мало освещено в научной литературе народное жилище, что и побудило нас опубликовать представленные здесь полевые материалы, несмотря на их фрагментарность. Значение их для разработки проблем истории культуры таджикского народа возрастает в связи с тем, что полевые исследования проводились нами более 30 лет тому назад и те виды жилища, которые тогда были зафиксированы, вряд ли сохранились ныне, ибо за послевоенные годы большинство городов и селений Южного Таджикистана построены заново. Нет, пожалуй, ни одной семьи в кишлаках Южного Таджикистана, которая не возвела бы себе нового более благоустроенного дома, традиционные черты в котором, как правило, бывают представлены в видоизмененной форме или отсутствуют вовсе.

Приведенные ниже материалы были собраны нами в 1946 г. во время работы в составе Вахшского отряда Таджикской археологической экспедиции[1]. Тогда нам удалось посетить ряд таджикских кишлаков, начиная от Туткаула на левом берегу Вахша[2] и кончая Ховалингом в бассейне верхнего течения Кызылсу. Во всех кишлаках, наряду с обычными для многих других районов Таджикистана одноэтажными домами с плоскими крышами, попадалось большое количество двухэтажных, с высокими двухскатными крышами из тростника или осоки, называемыми чубтора. В Туткауле и Кулисуфиёне чубтора преобладали, а в кишлаках между Кулисуфиёном и Кангуртом все больше появлялось плоских крыш. На северо-востоке, в Ховалинге же постройки частью были с плоскими крышами, частью двухскатными. Важно отметить, что все недавно построенные дома имели плоские кровли, тогда как дома, крытые чубтора, были более старыми. Это, как нам кажется, находит подтверждение в наблюдениях Г.А. Арандаренко, относящихся к 1882 г.[3] В Ховалинге, по словам Г.А. Арандаренко, "сельские постройки носят тот же тип легких сакель с двухскатными крышами, как и в Кулябе".[4]

В кишлаках левобережья Вахша, Туткауле и Кулисуфиёне, дома, крытые чубтора, были прямоугольными, причем торцовые стены значительно короче продольных. С одной стороны продольной стены пристраивался долон – летнее помещение с не доходящей до верха передней стенкой, подводимое под одну крышу с домом, причем над долоном скат ее делался значительно более пологим, линия крыши давала как бы излом. Торцовые стены выводились наверх острым углом и поверх углов стен протягивалась основная продольная балка крыши – роу (рис. 1).* Дом сооружался на фундаменте из крупных галек, иногда в 5–6 рядов, на котором выкладывалась слоями из битой глины (пахсы) стена – девол. Стены выводились в 7–8 слоев пахсы, при этом на пятый слой настилался потолок, концы балок которого обычно были видны с наружной стороны стены. После 7–8 слоев пахсы торцовые стены еще наращивались на 2–3 слоя, при этом каждый следующий делался короче предыдущего. Таким путем выводились остроугольные щипцы на обеих торцовых стенах, куда и укладывалась, как отмечалось, продольная балка.

В нижнем этаже такого дома располагались жилые помещения и кладовые, а второй этаж (болохона), куда попадали по глиняной или деревянной наружной лестнице, служил местом для хранения сена и дров. В Кулисуфиёне информаторы рассказывали, что в прежние времена в верхнем этаже устраивали кладовые для хранения муки, масла и других съестных припасов. В таком случае лестница во второй этаж делалась внутри дома. Долон служил летним жилищем.

В кишлаке Туткаул, как и в правобережном Нуреке (где ныне вырос од-

* Иллюстрации см. в "Приложении."

ноименный город), большинство домов стояли торцом к улице. Эта торцовая стена иногда имела разный орнамент. Так, нами зафиксирован дом (рис. 1), на выходящей на улицу торцовой стене которого был процарапан (по сырой глине) орнамент в виде косых линий, а также крестов: простых и сложных, прямых и косых. Такие орнаментированные стены в Кулисуфиёне, Бальджуане и Ховалинге нами не отмечены.

Покрытие стен жилищ различными орнаментальными мотивами или изображениями животных было, как известно, широко распространено у таджиков горных областей, в бассейне верхнего течения Амударьи[5]. Это обычно делалось женщинами после чистки и уборки дома перед Новым годом, который отмечался во второй половине марта, в весеннее равноденствие. Наносились узоры преимущественно росписью, а в Дарвазе еще применялись и налепы из глины[6]. Нанесение орнамента на стену процарапыванием не было характерно для этого региона. Тем не менее бытование этого приема в Туткауле вряд ли можно считать случайным. Во-первых, потому что эта техника существовала здесь в керамике (производилась женщинами без гончарного круга)[7]. Во-вторых, композиционный прием (разбивка поверхности на клетки) и орнаментальные мотивы, зафиксированные на стене (рис.1): косые параллельные линии, косой крест, сложное сочетание косого креста с прямым и с ромбом, треугольник - являлись глубоко традиционными для прикладного искусства таджиков бассейна верхнего течения Амударьи и были представлены в росписи стен[8], резьбе по дереву[9], вышивке,[10] в узорных изделиях из кусочков ткани[11]. В-третьих, судя по сохранившимся местами до недавнего времени представлениям, по всему бассейну Амударьи, в том числе и бассейне среднего течения Вахша, бытовала идущая с глубокой древности сходная (независимо от способов нанесения) семантика указанных орнаментальных мотивов. А отсюда и одинаковая цель нанесения узоров на различные предметы, в том числе и на стены домов.

Этнографические исследования не оставляют сомнения в том, что указанные орнаментальные мотивы, растительные и другие узоры, в прошлом горных таджиков являлись магическими знаками [12]. Нам уже приходилось отмечать, что крест (как прямой, так и косой) является схематизированным человеческим изображением, передающим образ духа, который должен охранять человека или вещь от зла и, в первую очередь, от зла, вызываемого "сглазом"[13]. Последующие наши полевые исследования еще раз подтвердили охранное значение креста. Так, в 1961 г. в верховьях Шерабаддарьи, берущей начало в Байсунских горах, в кишлаке Юкари Мачай [14], средняя вертикальная планка двустворчатых арчовых дверей, ведущих с улицы в усадьбу, имела резной орнамент в виде вертикального ряда ромбов, каждый из которых был разделен горизонтальной чертой на два равных треугольника, примыкающих друг к другу основаниями. Этот ряд завершался в верхнем конце планки процарапанным косым крестом (рис. 2). На вопрос о значении этих узоров старики отвечали, что они от сглаза.

Многочисленные убедительные данные о магическом значении ромбов и треугольников, генетически также восходящих к изображениям антропоморфных существ, получены А.К. Писарчик и М.А. Хамиджановой в результате изучения узорных изделий из кусочков материи, широко представленных в быту таджиков[15]. Дополнительно еще можно отметить, что в таджикском кишлаке Кыстакоз под Ленинабадом во время наших этнографических исследований 1950-1953гг.[16] женщины (не только пожилые, но и средних лет) еще отчетливо знали, что назначение лоскутной свадебной занавески - оградить новобрачных от сглаза.

Для нас особое значение имеют данные А.К. Писарчик о том, что в 1930-ые гг. мастера, возводившие под Самаркандом высокие покрытые резным орнаментом глинобитные стены загородных усадеб, еще помнили об охранном значении некотрых узоров и о ромбе как изображении человека[17]. Именно ромб и ко-

сой крест являлись наиболее часто повторяющимися узорами на этих стенах[18]. Примечательно также, что традиция возведения глинобитных стен с резным орнаментом была принесена в Самаркандский оазис мастерами – отходниками из приамударьинских районов: туркменами из Средней Амударьи (преимущественно из г. Керки) и узбеками из Хорезма (преимущественно из г. Ургенча, так называемыми "урганджи")[19].

Таким образом, процарапанный орнамент на стене дома в Туткауле по своим мотивам и их назначению примыкает, с одной стороны, к традиции росписи стен, столь характерной для Каратегина, Дарваза, Куляба[20], Варзоба[21] и Памира[22], с другой – является как бы перекидным мостом, связывающим древние традиции населения областей, расположенных в верховьях Амударьи, с не менее древними и богатейшими традициями населения культурных оазисов, расположенных в ее среднем и нижнем течении[23].

Приведенные выше материалы свидетельствуют о справедливости неоднократно высказывавшейся М.С. Андреевым мысли о необходимости прослеживать многие явления как материальной, так и духовной культуры вдоль всей Амударьи, от верховьев этой великой реки, до ее низовьев. Эта мысль подтверждается и лексическим материалом, подмеченным А.К.Писарчик[24].

Узоры, характерные для росписи стен таджикских жилищ в верховьях Амударьи, были представлены и в налепном орнаменте хранилищ зерна и муки, изготовлявшихся женщинами из глины. Хранилища эти в привахшских районах и Кулябе назывались кули. Другое название их, употребляемое в ряде мест Средней Азии среди таджиков и оседлых узбеков, – хамба. На юге Таджикистана его знают, но не употребляют.

В мелких глиняных ларях часто хранили сушеные фрукты, орехи, шерсть и т.п. Кули имели чрезвычайно широкий ареал. Крайней границей их распространения на север, которую нам пришлось наблюдать, явились населенные таджиками долины рек Пскема и Чаткала, верховья Чирчика (рис. 3)[25], а на юге они отмечены М.С. Андреевым в долине реки Панджшир в пределах Афганистана[26]. Широко бытовали они в Кулябе[27], Каратегине и Дарвазе[28].

Кули представляли собой ящики из пластин глины, смешанной с навозом и измельченной соломой, поставленные на подставку, устроенную из вбитых в пол жилища деревянных толстых кольев, с настилом из досок. Для кули небольших размеров к пластине глины, предназначенной служить дном, прилеплялись по четырем углам ножки из глины. Часто на одной подставке ставилось двойное или тройное кули для нескольких сортов зерна или муки.

На передней стенке кули, внизу, имелись отверстия, еще одно отверстие делалось в верхней пластине. Когда в кули нужно было засыпать зерно или муку, нижние отверстия затыкались тряпками и иногда даже примазывались сверху глиной, а засыпали зерно через верхнее отверстие. Иногда верхняя пластина отсутствовала, и тогда кули имели вид глубоких закромов[29].

Кули бывали разных размеров и вмещали иногда до двух центнеров зерна. Крупные кули, предназначенные для хранения большого количества муки, делались в виде открытого сверху ящика, т.к. муку утрамбовывали ногами. Передняя стенка ларей часто бывала орнаментирована.

Нам пришлось наблюдать одно кули, составленное из шести глиняных пластин, на глиняных же ножках в селении Кулисуфиён (рис. 4). Основание его по размерам было больше верха, и поэтому боковые пластины были не прямоугольны, а несколько суживались к верхней своей части. Общая высота его была 1,5 м. На передней стенке кули имелся орнамент из валиковой глины. Валиком из глины было обрамлено нижнее отверстие, а над ним помещена была фигура ром-

ба, поставленного на угол. От средних углов отходили, загибаясь книзу, по одному крупному завитку, а от верхнего угла отходили в том же направлении два завитка помельче. На уровне верхних завитков, ближе к углам, находились два кольцевых налепа.

В селении Шахриминг в районе Ховалинга, где кули украшали гораздо более сложным орнаментом, нам пришлось наблюдать и самый процесс работы. Специальных мастеров, орнаментирующих кули, не имелось, делали это сами хозяйки домов. Женщина, работу которой нам пришлось наблюдать в 1946 г., занималась приведением в порядок своего старого кули, украшение которого за время войны не возобновлялось. Предварительно при помощи маленького топорика она сбила все старые украшения и гладко обмазала поверхность половины зернохранилища глиной. Затем она приготовила глину для орнаментирования, добавив в ее состав мелкопросеянной ячменной мякины.

Прежде всего она отделала нижнее отверстие правой половины (рис. 5). Раскатав четыре валика, диаметром в 2 см, она налепила их с четырех сторон отверстия и уплощила, приминая ладонями и тыльной частью руки. После этого сняла пальцами лишние куски, закруглила углы и, сглаживая весь налеп мокрой рукой, нанесла при помощи куриного пера волнистые линии – каджак (качак). В дальнейшем, делая тонкие валики, она выводила из них орнамент центра поля, состоящий из вертикального стержня с отходящими от середины и вершины стержня двумя парами завитков, обращенных книзу. От всех четырех углов налепа вокруг нижнего отверстия было также отведено по завитку. И затем, симметрично размещая их по обеим сторонам стержня, от крупных завитков она отвела, в виде веточек, мелкие. После этого она спустила расходящиеся в две стороны завитки из верхних углов поля и стала заполнять свободное пространство квадратами и кругами со вписанными в них косыми и прямыми крестами. В последнюю очередь она приделала завитки вокруг всего бортика поля и отделала ножки кули, всякий раз заканчивая до конца каждую обрабатываемую деталь всей композиции. Когда отделка одной половины кули была закончена, в том же порядке женщина отделала и вторую половину.

В орнамент кули входили определенные элементы растительного характера, состоящие из различных комбинируемых завитков, а также кругов и прямоугольников с вписанными в них прямыми и косыми крестами. Из них и составлялась композиция орнамента.

Во время нашего обследования орнаменту придавалось только значение украшения и совершенно отрицался его магическо-охранительный смысл. Однако изложенное выше (в связи с орнаментом на стенах домов) не оставляет сомнения в том, что орнаментация передней стенки кули также имела цель магической охраны содержащихся в нем продуктов, прежде всего зерна и муки. Об этом свидетельствует и изображение на кули змеи, следы почитания которой явственно сохранялись в старом быту таджиков и узбеков[30].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии – Труды ИЭ, нов. сер., Т.XIП. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1959, с.13. Полевые записи автора хранятся в научном архиве Ленинградского отделения ИЭ. Следует подчеркнуть, что сведения о жилище были записаны лишь попутно, ибо основной задачей этой поездки было изучение женского гончарного производства таджиков.

2. Ныне Туткаул перенесен и отстроен заново, т.к. прежнее место его расположения вошло в зону затопления Нурекского водохранилища.

3. Литературу по жилищу с крышей типа чубтора см. в статье Б.Х. Кармышевой в настоящем сборнике.

4. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб, 1889, с.431, 432.

5. Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратага и Дарваза. М., 1903, с.36; Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928. с.8-10, 14, рис.9; Иванов С.В. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков. - КСИЭ, П, М.; Л., 1947, с.80-83; Писарчик А.К. Примечания и дополнения. - В кн.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад: изд-во АН Тадж ССР, 1958, вып.П, с.475, рис. 126; Мухиддинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления. - СЭ, 1964, №2, с.108-115; ТК и Д, 1970, вып.2, с.83-86, 90-92 и след.

6. Мухиддинов И. Указ. соч., с.110; ТК и Д, 1970, вып.2, с.90.

7. Пещерева Е.М. Указ. соч., с.51, 90, 91, рис. 12-3, 4, 5.

8. Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. Ташкент, 1927, рис. 13; Он же. Орнамент горных таджиков..., с.14, рис. 9; ТК и Д, вып.2, с.92.

9. Семенов А.А. Указ. соч., табл. УП; Писарчик А.К. О народном прикладном искусстве Таджикистана. - В кн.: Искусство Таджикского народа - Труды Института истории АН Тадж ССР, т.XX1X. Сталинабад, 1960, вып.2, с.86, рис. 21; ТК и Д, 1966, вып.1, рис.62-7, 74-7, 66-1 и др.

10. ТК и Д, вып.2, рис. 19-1, 2,5; 21-1, 2, 3, 4.

11. Там же, с. 206-210, 214.

12. Иванов С.В. Указ. соч., с. 83; Мухиддинов И. Указ. соч., с.112-115; ТК и Д, вып.2, с.83-86; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с.226, 227, 229, 230.

13. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии, с.110-112.

14. Жители Юкари Мачая - таджики-хардури и тюрки. См.: Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с.63.

15. ТК и Д, вып.2, с.203-224.

16. О Кыстакозе см.: Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русяйкина С.П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства - Тр. /ИЭ, нов. сер., т.XX1У. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с.230.

17. Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда X1X-XX вв. Душанбе: Дониш, 1974, с.106, 107, 120-122.

18. Там же, рис. 140-142 и сл.; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с.136.

19. Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда X1X-XX вв., с.107, 108, 112; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с.65.

20. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, с.14, рис.9.

21. Андреев М.С. По Таджикистану, рис. 13.

22. Андреев М.С. Таджики долины Хуф., вып.II, с.478, рис.126; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулямцев. - В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. - Труды /ИЭ, нов. сер., т.X LУП. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с.45, рис.31.

23. Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А. Архитектура туркменского народного жилища. - Труды /Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, Т.III. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953, с.30-32, 41, 42 и след. рис. 33-37, 39, 48 и сл.; Сазонова М.В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. - В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945- 1948. - Труды / Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, т.1, М.: изд-во АН СССР, 1952,

с.295, рис.22. Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Там же, с.407.

24. Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в X1X-начале XX в. - В кн.: Средне-азиатский этнографический сборник. 1. - Труды/ИЭ, нов. сер.; т.XX1. М.: изд-во АН СССР, 1954, с.223.

25. В 1928 г., когда автору удалось посетить таджикские кишлаки бассейна Пскема, там можно было встретить глиняные лари (хамба), украшенные как выпуклым налепным орнаментом, так и вогнутым, при котором орнамент наносится пальцем по сырой глине. Размеры их колебались от 1,5 м до небольших переносных. Две из них опубликованы в монографии о гончарстве Средней Азии (Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии, с.104, рис. 34-4,5). На них узоры в виде змеи нанесены пальцем по сырой глине.

26. Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Пандшир. Ташкент. 1927, фото между с.24 и 25.

27. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, с.13, рис. 8; Воронина В.Л. Указ. соч., с.141, 142.

28. ТК и Д. вып.1, с.255, 258, рис. 55; ТК и Д, вып.2, с.92, 93, рис. 51.

29. Название кули больше применялось к открытым ящикам (хамба) - хранилищам типа шкафа с крышкой и с отверстиями для насыпания и доставания зерна и муки.

30. Пещерева Е.М. Указ. соч., с.101-108; Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей. - В кн.: Памяти М.С. Андреева-Труды / Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т.CXX, Сталинабад: изд-во АН Тадж.ССР, 1960, с.213-223.

Б.Х.КАРМЫШЕВА

СТАЦИОНАРНОЕ ЖИЛИЩЕ УЗБЕКОВ-ЛОКАЙЦЕВ (СЕРЕДИНА 1940 - НАЧАЛО 1950-х ГГ.)

В настоящем сообщении рассматривается стационарное жилище одной из наиболее крупных полукочевых в прошлом групп узбеков Южного Таджикистана, племенное название которой было "лакай", в литературе за нею закрепилось наименование "локайцы".[1] Оседание этой группы, а значит, и освоение ею стационарного дома происходило с середины X1X и до конца 20-х гг. XX в. До этого основным видом жилища узбеков-локайцев была деревянная решетчатая юрта, крытая войлоком. Наряду с ней в качестве сезонного жилища или жилья бедняков бытовали у них разнообразные шалаши. Краткие сведения о юрте и шалашах локайцев, а также вопросы оседания их и освоения ими стационарного жилища уже публиковались мною.[2] Более обстоятельное рассмотрение их - тема специального исследования. Задачей же настоящей работы является введение в научный оборот материалов по тому типу стационарного жилища этой группы узбеков Южного Таджикистана, который был наиболее распространенным у них во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг., когда проводилось мною изучение их быта[3]. Для него были характерны глинобитные стены и двускатная кровля, покрытая травянистыми растениями (см. ниже). Такая крыша называлась локайцами чуптара (от тадж. чубтора; в кулябском говоре таджикского языка-чиптора[4]). Это название обычно переносилось и на дом в целом.

Дома с крышей чубтора широко бытовали вплоть до 1950-х гг. в Южном Таджикистане (преимущественно в его долинных и предгорных районах), как

Ф. Д. ЛЮШКЕВИЧ

СЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА И ЖИЛИЩЕ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

А.К.Писарчик принадлежит одно из первых описаний городского дома Бухары. Автор указывает на его основные отличия от жилища других равнинных районов Средней Азии[1]. Одной из основных особенностей бухарского дома А.К.Писарчик было отмечено подразделение помещений на летнее, расположенное по южной стороне участка и обращенное фасадом на север, и зимнее, расположенное, как правило, по северной стороне и обращенное фасадом на юг, а иногда в силу ограниченности места – по западной или восточной стороне усадьбы. Скученность городской застройки объясняет и часто встречающееся расположение некоторых помещений на втором этаже, а также застройку двора со всех четырех сторон. В качестве одной из неотъемлемых и характерных черт бухарского дома автор выделяет наличие в каждом жилище небольшого помещения (мадон) со стоком для воды (ташнау)[2].

Классический вариант плана усадьбы и дома, сложившегося на территории Бухарского оазиса, может быть прослежен на примере сельской усадьбы, где расположение помещений и их план не были строго обусловлены размерами участка.

Приведем описание традиционной для конца XIX – начала XX в. сельской усадьбы по материалам, собранным нами во время полевых работ в 1969, 1970, 1972 гг. в Ромитанском, Вабкентском и Гиждуванском районах Бухарского оазиса.

В каждом из этих районов имеются некоторые отличия в расположении помещений по периметру участка и соответственно их ориентировки по странам света, однако основные черты плана и назначение помещений – всюду общие.

В плане старых усадеб сохранялось характерное для всей равнинной части Средней Азии деление на две половины: берун – наружную хозяйственную и дарун – внутреннюю жилую. Усадьбы занимали довольно большую площадь (в среднем около 600 м^2), огораживались стеной (девол) из битой глины, общей высотой около 2 м; вход был ориентирован в отмеченных нами случаях либо на восток, либо на запад.

В беруне по одну сторону от входа располагались хозяйственные помещения: саисхона – конюшня, используемая в настоящее время как амбар, очил – помещение для зимнего содержания скота, айвон – навес на двух или трех столбах для летнего содержания скота и хранения корма: сена, высушенных стеблей кукурузы, клевера. По другую сторону от входа находилось помещение для приема гостей, главным образом мужчин, – мехмонхона.

Наружная часть усадьбы от внутренней отделялась глинобитной стеной, в которой имелась калитка, иногда с небольшим крытым проходом в дарун[3].

В даруне жилые помещения располагались в Ромитанском районе строго по южной и северной сторонам (рис. 1), в Вабкентском и Гиждуванском районах – тоже по двум сторонам усадьбы, но ориентация могла быть различной (рис. 2). Перед домами делали широкие глинобитные площадки (супа), приподнятые, как и дом, примерно на 70–80 см над остальной площадью двора. Дома делились, как правило, на зимние (хонаи зимистонй) и летние (хонаи тобистонй).

Зимние помещения фасадом ориентировались чаще всего на юг, были гораздо ниже летних по размерам (высота их достигала 2,5 м и меньше). Летние помещения были обращены фасадом на север, высота их достигала 3,2 м, они были больше по площади.

В усадьбах, где жили большие семьи, эти помещения использовались не в зависимости от их сезонного назначения, а распределялись между женатыми братьями.

К южной или северной группе построек, в части, ближайшей к беруну, примыкали две кухни – зимняя (ошхона) и рядом с ней под навесом – летняя (айвонча).В обеих кухнях имелись печи для лепешек (танур) и очаги (оташдон) для приготовления пищи и кипячения чая. В настоящее время здесь же устанавливается газовая плита.

В центре усадьбы, на углубленном, по отношению к супе, примерно на 70–80 см участке разбивался цветник – гулзор. По краям его высаживали фруктовые деревья, виноградник; виноградные лозы перебрасывались и закреплялись на навесах из жердей (толор), образуя по всему периметру участка тенистые проходы. В цветнике или на супе под тенью деревьев устанавливали квадратную в плане площадку (кат) на высоких ножках, чаще всего деревянную. В теплое время года кат становился как бы дополнительным жильем; на нем все домашние собирались за едой, ночью спали.

Дом для отдельной семьи представлял собой комплекс из трех помещений, вытянутых по одной линии (рис. 3,4). Уже по фасаду дома, в частности по уровню крыши над разными помещениями, а также по выступающим из стен поперечным балкам (болор) видно членение на три четко выделяемые части: переднюю – даҳлез или мадони пойгаҳ (чаще встречается последнее название), комнату – хона и своего рода кладовую с местом для мытья – мадони пешгаҳ.

Мы не имеем возможности подробно остановиться на описании строительной техники традиционного в прошлом жилища. Отметим только, что стены делали из однорядного каркаса. Двойной ряд ставился только по стене между жилой комнатой (хона) и задней комнатой (мадон), а в богатых домах – также по длинной стене, противоположной фасадной. В обоих случаях двухрядный каркас служил для устройства ниш – (равок). Устройство каркаса и его терминология, за небольшим исключением, идентичны отмеченным В.Л.Ворониной в жилище Кашкадарьинской области[4].

Вход в дом возможен как через переднюю, так и непосредственно через дверь, расположенную в фасадной стене комнаты. Имевшиеся в этой же стене один или два других проема такого же размера, как дверной, выполняли роль окон и закрывались ставнями – дарича (рис. 5). Дверь и ставни навешивались на шипах. Внешний вид дверей и ставен различен: входная дверь часто была одностворчатая (якдара) и с наружной стороны покрыта орнаментом; ставни с наружной стороны обычно никак не украшались, а с внутренней покрывались резным орнаментом (рис. 5). Со стороны комнаты дарича закрывали деревянной решеткой (чамбарак) , высотой до 65 см от пола. Часто над дарича делали прямоугольной формы световые проемы, закрывавшиеся в богатых домах ганджевыми решетками. Во многих домах дарича делали и во второй длинной стене, за которой обычно находился фруктовый сад и огород. Световые проемы в фасадной и противоположной стене были устроены в шахматном порядке. В жаркое время проемы, выходившие на теневую сторону, держали открытыми, и это давало дополнительный приток свежего воздуха, нередко напоенного ароматом трав, которые специально сеяли около дарича.

С начала XX в., по мере распространения стекла, дарича стали закрывать застекленными рамами, причем поначалу преобладало мелкое цветное стекло. В даҳлез и пешгаҳ, для освещения и притока воздуха служили неправильной скругленной формы отверстия в верхней и нижней частях стены.

У входа в дом устраивали пойгаҳ – место для обуви[5]. Здесь же в левом углу делали поглотительный колодец (ташнау), прикрываемый сверху камнем с отверстием в центре. Пойгаҳ делали в даҳлез обязательно, но иногда и в комнате, если вход в нее был отдельный.

Характерно, что мадони пойгаҳ, как правило, небольшое по размерам, во многих случаях чаще, чем жилая комната, служила для повседневного пребывания. Земляной пол за линией пойгаҳ, так же как и в жилой комнате, застилали циновками (бӯйро), поверх – войлочными кошмами (намад), а затем паласами (гилем). Вдоль стен раскладывали стеганые одеяла для сидения (курпача). Во многих домах именно здесь женщины и дети проводили большую часть времени, расстилали на время еды дастархон, занимались различными домашними делами, ночью спали. Постель, которой пользовались ежедневно, здесь же складывали горкой на поставленные один на другой сундуки, (рис. 6, 6а, 6б), из них нижний – часто был деревянный (нонсандык, букв. – сундук для хранения хлеба), в нем же держали расхожую посуду (чайники, пиалы, косы и пр.). В торцовой стене мадони пойгаҳ часто встречались дарича, служившие для освещения и прохлады. Так как помещение это очень небольшое, то различные вещи, для которых не было определенного места, можно было увидеть подвешенными к балкам потолка. Там же подвешивали для сушки кисти винограда, изюм в мешочках.

В западной стене мадони пойгаҳ, находилась дверь в жилую комнату. Это помещение имело более парадный вид. Земляной пол здесь также застилали циновками, войлочными кошмами, часто узорными (гулнамад) и поверх их – более дорогими паласами и коврами. У стены, по левую или правую сторону от входа, на деревянной подставке или двух сундуках укладывали всю имеющуюся в доме постель (как правило, парадную, в том числе и готовящуюся постепенно к предстоящим свадьбам детей.). Эта уложенная чуть не под потолок постель (ҷойхоб) тщательно закрывалась несколькими нарядными покрывалами – сӯзанӣ, такияпӯш; боковую сторону ҷойхоба чаще всего закрывали прямоугольным вышитым ковриком, предназначавшимся для намаза, – ҷойнамаз.

Тщательнее всего убирали в комнате ниши (равоқ), расположенные в торцовой стене, обращенной на запад. Ниши устраивали по сторонам от двери, ведущей в мадони пешгаҳ. Украшали ниши, главным образом, посудой (тавоқ, коса, пиёла), подбирая их по цвету и размеру (рис. 7).

В полу комнаты, ближе к торцовой стене, примерно в 70 см от фасадной, устраивали приспособление для обогревания в холодное время: в яму насыпали раскаленные прогоревшие угли, сверху устанавливали род деревянного табурета (сандали). Вся семья усаживалась вокруг и прикрывалась по пояс одеялом (сандалипушак). Во время еды на сандали ставили большие медные подносы (лаҳли). Под верхней крышкой сандали имелись боковые перекладины (ошмонак), на которые ставили чайник и посуду с едой, чтобы сохранить их горячими.

В остальное время для еды пользовались низким столиком (высотой до 40 см) прямоугольной формы. Ставили его ближе к фасадной стене, напротив световых проемов. Сидели вокруг на курпачах.

За последние годы в убранстве комнаты появляется все больше предметов городской мебели и современной цивилизации. В дальнем от входа правом углу сейчас всегда можно увидеть кровать, на которой сложена часть постельных принадлежностей (спят же по старой традиции чаще всего на полу), шкаф (часто зеркальный), стол и обычно – один или два стула. На столе сложены книги, журналы, стоит приемник или телевизор. За последние годы стали приучать детей заниматься за столом.

Следующее за комнатой помещение (мадони пешгаҳ[6]) носило несколько интимный характер; посторонним туда входить не полагалось. Здесь непременно в одном из углов был поглотительный колодец (ташнау) для мытья и омовений; в мадони пешгаҳ хранили различные вещи, как наиболее ценные, так и вышедшие временно из употребления.

Число домов такого типа, из трех помещений, в старых усадьбах бывало от двух до четырех. Расположены они в ряд один за другим по двум сторонам усадьбы, и непременно к одному из этих рядов пристраивалась жилая комната

(не более 5 болор., т.е. примерно 9 м2) без мадони пойгаҳ, и пешгаҳ. Здесь, как правило, жили старики. Устройство этого помещения и внутреннее убранство зачастую сохраняли черты старого жилища: у входа оставлялся пойгаҳ с ташнау, оконных проемов не было, их заменяли отверстия скругленной формы в верхней части стены. Ниши в стенах обычно отсутствовали. Постельные принадлежности складывались на двух сундуках, а рядом на подставке – чорпойя, вместо которой в теплое время могли использовать сандали, складывали вещи, завязав в узел – буҷома.

Наиболее близким к этому варианту, видимо, следует считать тип жилища, отмеченный В.Л. Ворониной в Кашкадарьинской области, территориально входившей в единую с Бухарой историко-культурную область древнего Согда. Значительное сходство прослеживается с жилищем Карши (центра Кашкадарьинской области), меньшее – с расположенными к востоку от Карши Шахрисябзом и Яккабагом.[7]

В Среднезеравшанской долине наблюдаются значительные отличия в жилище. Так, жилище Самарканда конца Х1Х – начала ХХ в., по описанию А.К.Писарчик, состояло из комнаты и передней с айваном, расположенным под прямым углом к ним. Довольно часто встречалось сочетание из двух комнат и айвана, расположенного между ними. Распространены были также дома совсем без передней, состоявшие из одного помещения[8].

Е.М.Пещерева в своем исследовании жилища Северного Таджикистана (кишлак Кыстакоз Ленинабадской обл.) высказала мнение, что однокамерное жилое помещение является наиболее старым из сохранившихся до наших дней. С течением времени, как отмечает автор, произошло разделение этого помещения на две части при помощи стены, поставленной на границе пойга- даҳлеза. С конца Х1Х в., с возникновением сельской буржуазии, здесь появляется дом из двух вытянутых в одну линию комнат с разделяющей их передней (даҳлез) и протянутым по всему фасаду айваном.[9]

Иной тип жилого дома развился, как показано выше, на территории Бухарского оазиса. Но исходная форма жилья, видимо, была общей. Подтверждением этому служит не только часто встречающееся, особенно в усадьбах с большими семьями, однокамерное жилье для старшего поколения, но и использование передней (мадони пойгаҳ / даҳлез) в домах с трехчленным делением как основного жилого помещения, где все члены семьи проводят большую часть времени, спят и едят. Характерной особенностью дома Бухарского оазиса было также отсутствие айвана в системе жилых помещений. Перед домами устраивалась глинобитная площадка – супа. Айван служит навесом для хозяйственных нужд.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писарчик А.К. Жилой городской дом Бухары и Хивы. – Архитектура СССР, 1937, №1, с.40-46; Она же. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1974, с.18-19.

2. Писарчик А.К. Жилой городской дом Бухары и Хивы, с.42.

3. Е.М.Пещерева и обратила мое внимание на то, что в Фергане, например, для этой части усадьбы существовал термин "гуломгардиш" (букв. – "место для прохода рабов"). В Бухарском оазисе это название в прошлом также встречалось: оно обозначало проход между берун и дарун, по которому слуги могли проходить до женской половины и передавать что-либо в случае надобности из беруна.

4. Воронина В.Л. Материалы по народной архитектуре Кашкадарьинской области Узбекской ССР. – В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. – Труды / Институт этнографии АН СССР, нов. сер., М., 1959, вып.2, т.Х1У11, с.299-352.

5. М.С.Андреев проследил эволюцию пойгаҳ от примитивного жилища в верховьях Пянджа, где этим словом обозначалось пространство между нарами, куда могли заводить и скот, до жилища равнинных районов, в частности в Ташкенте и Бухаре, сохранившими это название для небольшого квадрата у двери, где оставляют обувь. Автор далее замечает, что в Ташкенте это место "особого названия" не имеет (старое название, видимо, утеряно), а просто обозначает место, где снимают галоши (кауш ичадыган ҷой). Но в Бухаре оно носит свое старое название - пойга. См.: Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район. - Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1928, ч.1, с.120-121. К сказанному М.С.Андреевым следует добавить, что в Бухарском оазисе слово "пойгаҳ" вошло как основное определение в название первого помещения дома. - "мадони пойгаҳ".

6. В этом сочетании слово "пешгаҳ" обозначает буквально "место, находящееся впереди", в данном случае - по отношению ко всем остальным частям дома, так как ближе всего расположено к кибле. Вообще же словом "пешгаҳ" обозначают почетное место в доме.

7. Воронина В.Л. Указ. соч., с. 299-352.

8. Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975, с.23-24.

9. Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь. - В кн.: Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русяйкина С.П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954, с.116.

И. М. МУХИДДИНОВ

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ЖИЛИЩА У ПРИПАМИРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В высокогорных долинах Западного Памира, на террасах и конусах выноса р.Пяндж и ее притоков располагаются селения таджиков Памира (язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев, ваханцев, ишкашимцев)[1].

Планировка и способы постройки традиционного народного жилища таджиков Памира получили детальное освещение в литературе[2], однако обычаи и обряды, связанные с жилищем, почти совершенно не иследованы.

Приводимые материалы были собраны автором в 1965, 1968-1969, 1972-1976 гг. во время командировок на Западный Памир. Собранные полевые материалы позволяют судить о том, что в прошлом с жилищем было связано много различных обычаев и обрядов, сопровождавших все трудовые процессы строительных работ (возведение стен, кровли, изготовление очага), а также момент вселения в новый дом и т.п. Многие из обычаев и обрядов имеют магическое значение, некоторые из них представляют пережитки анимистических верований и элементов зороастризма, впоследствии испытавших влияние мусульманских религиозных верований, в данном случае исмаилизма[3].

По обычаю, у памирских таджиков выбор места для строительства нового жилища имел большое значение для благополучной жизни семьи в этом доме. Место для будущего дома обязательно должно быть расположено подальше от кладбища, мазара. Нельзя было строить жилище на месте, где стоял отцовский дом (деда или прадеда). В чем же дело? Почему надо жить, по обычаю, вдали от этих священных мест: мазара, кладбища? Почему нельзя строить жилище на месте старого дома отца? Потому, что по представлению народа, это святые места - места, где обитают духи предков (ҷои руҳ аст). Эти места нельзя осквернять. Поэтому, если построить жилище рядом с одним из таких свя-

Иллюстрации к статье Ф. Д. Люшкевич «Сельская усадьба и жилище Бухарского оазиса»

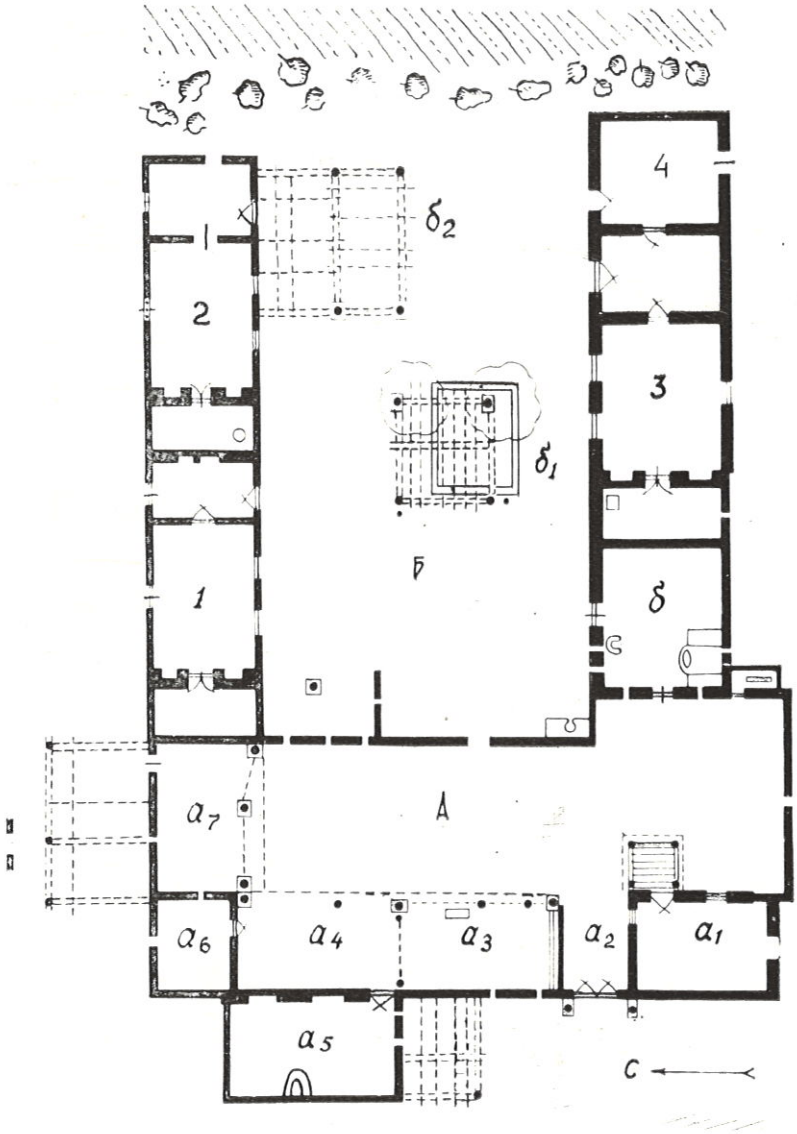

Рис. 1. План усадьбы (кишлак Убо, Урмитанский р-н). *1, 2, 3* — жилые трехкамерные помещения; *А* — хозяйственная часть усадьбы (берун); a_1 — мехмонхона; a_2 — дарвозахона; $a_{3\ 4}$ — айвон; $a_{5\ 6}$ — оғил; a_7 — айвон; *Б* — жилая часть усадьбы (дарун); *б* — ошхона; $б_1$ — гулзор; $б_2$ — толор

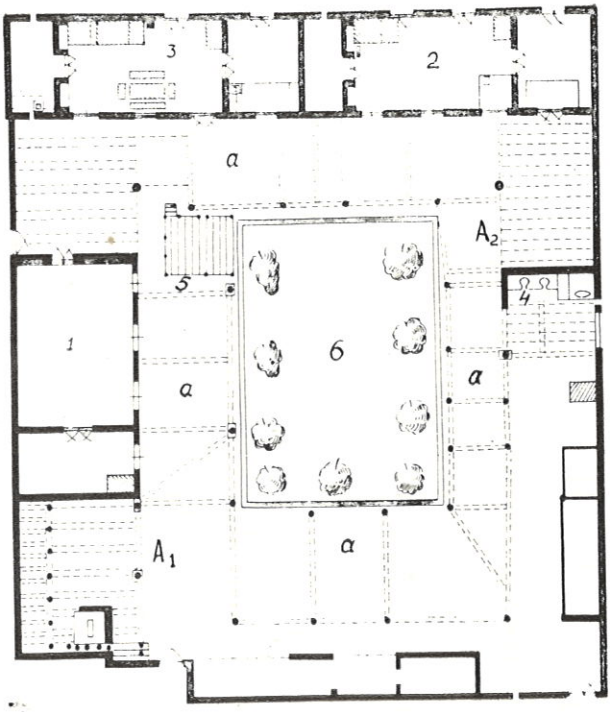

Рис. 2. План усадьбы в Вабкенте. *1* — летний дом; *2*, *3* — зимние дома; *4* — кухня; *5* — площадка на высокой опоре (кат.); *6* — цветник; $A_{1,2}$ — хозяйственные навесы из жердей для виноградных лоз

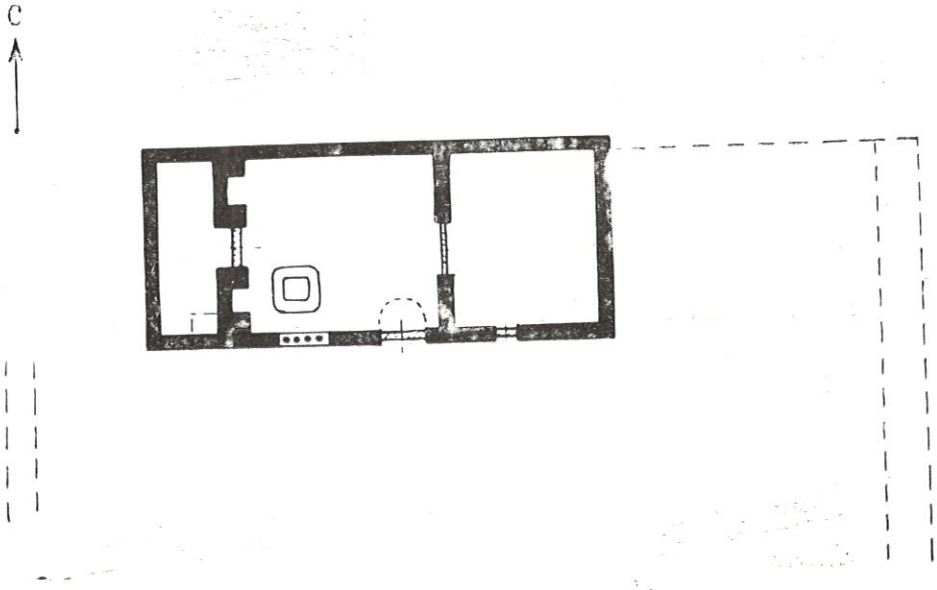

Рис. 3. План дома в кишлаке Кургон Ромитан

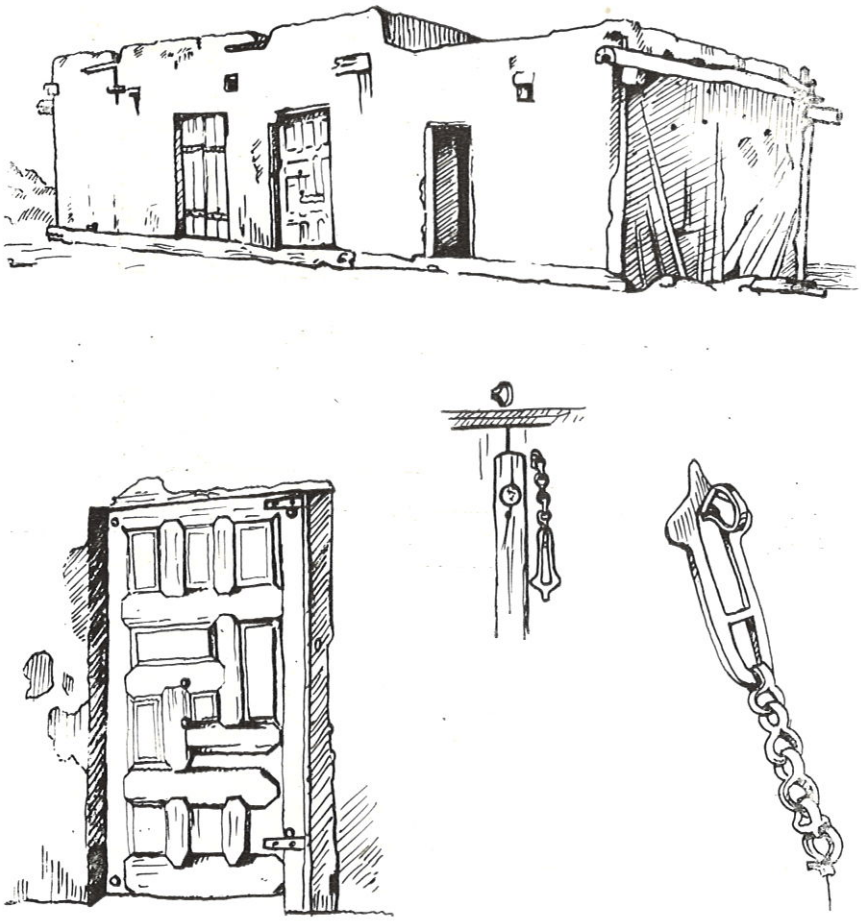

Рис. 4. Общий вид дома, дверь и детали затворов в кишлаке Кургон Ромитан

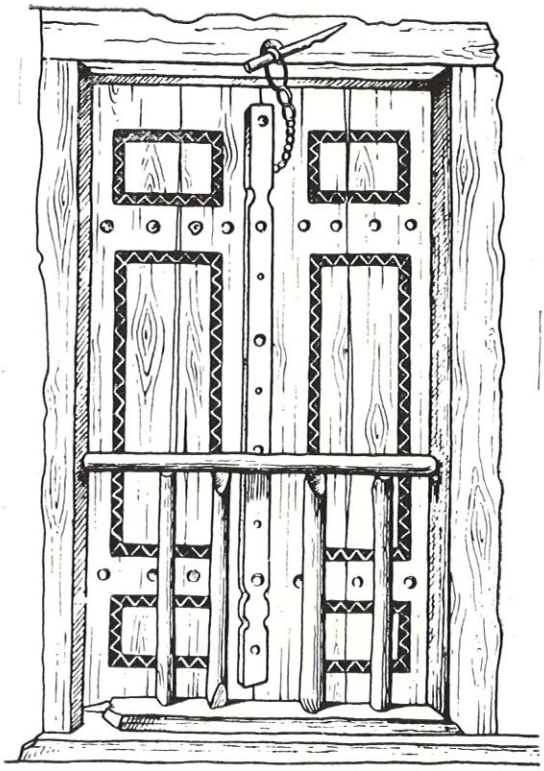

Рис. 5. Вид ставен — дарича с внутренней стороны (и 1998-7д)

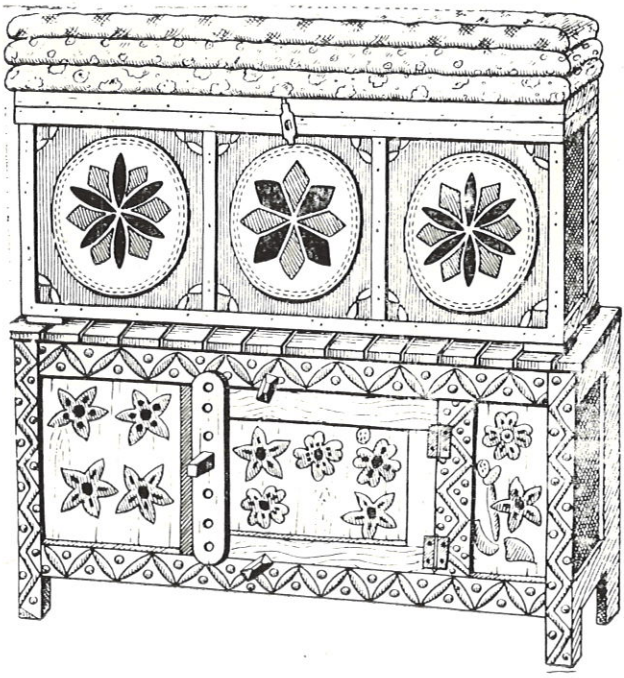

Рис. 6. Подставка из двух сундуков, на которые сверху укладывали постель

Рис. 6а. Ҷойхоб
Рис. 6б. Ҷойхоб, закрытый сверху сӯзанӣ и такияпӯш (и 1988-II)

Рис. 7. Интерьер дома в Вабкенте. Дом построен в 1905—1907 гг. (и1998-19)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ

Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований Маргинальные и центральные ареалы»

10—12 февраля 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1975

Ф.Д.Люшкевич

Особенности этнического развития таджикско-узбекского населения бухарского оазиса (на материале семантического развития терминов "таджик" и "узбек")

I. Этническая история древних земледельческих оазисов Среднеазиатского Междуречья определялась древними этнокультурными контактами ирано- и тюркоязычных племен и народов, носителей оседлой и кочевой культуры.

Уже к XI в. здесь оформляется этническая общность, которая в источниках того времени впервые определяется как "турк ва точик" (Байхаки "Тарихи Масъуди"). Археологические материалы убедительно свидетельствуют, что к этому времени сложились основные черты общей средневековой культуры обоих народов. Сформировавшийся здесь расовый тип, вобравший в себя черты как древних иранских народностей, так и древних тюрков, был назван Л.В.Ошаниным расой Среднеазиатского Междуречья. И тем не менее происходило формирование двух народностей - таджикской и узбекской.

2. Этнодифференцирующий фактор, действовавший в процессе этнической интеграции двух разных по языку и культуре народов, отчетливее всего прослеживается на материале этнонимии.

3. Известное по средневековым источникам этническое значение терминов "таджик" и "узбек" не объясняет и даже как будто противоречит их применению к различным по языку и культуре группам населения. Особенно это кажущееся противоречие выступает в материалах демографии и этнографии.

4. Исследование семантического развития этнонимов в их реальной связи с называемым объектом позволяет проследить, начиная с первого известного упоминания в источниках до настоящего времени, своеобразие их развития в неоднородной по языку и культуре среде. В значении каждого из этих терминов в условиях смешанного населения преобладала не этническая, а мотивированная характеристика, а именно термин "узбек" функционировал главным образом в политическом и социальном аспекте, а термин "таджик" - в социальном и культурном.

5. Коренные преобразования, наступившие при построении нового социалистического общества, естественно привели к ликвидации прежних культурных и социальных различий. Идет процесс консолидации единой узбекской социалистической нации.